

ЦИКЛ
Андрея Поснякова

Конготьер

Ливонский принц

Король

Потом и кровью

Андрей Посняков

Кондотьер

Потом
и кровью

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П62

«Ведунская серия»

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Оформление обложки АК

П62   Посняков, Андрей Анатольевич

Кондотьер: Потом и кровью: роман / Андрей Посняков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 352 с. (Ведунская серия).

ISBN 978-5-17-103354-5

В Москве при странных обстоятельствах погиб сын Ивана Грозного, царевич Иван Молодой. Через пару месяцев по всей Ливонии и Речи Посполитой пронесится череда циничных и необъяснимых убийств. Безжалостная тень неведомого убийцы нависла над королем Магнусом Ливонским и его семьей!

В это же время резко обострилась борьба за вакантный польский трон. Выставил свою кандидатуру и Магнус — наш современник Леонид Арцыбашев, угодивший в прошлое по глупой случайности, но теперь вовсе не желающий покидать это страшное и такое притягательное время. Здесь у него семья, корона... и целое сонмище врагов, включая могущественного Семиградского князя Стефана Батория с его покровителем — турецким султаном Мурадом, и шведского короля.

Между тем велением царя Ивана воевода князь Федор Мстиславский силой увез в Москву юную королеву Марию...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-103354-5

© Андрей Посняков, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Лето 1575 г.

Ливония

С моря дул ветер. Скидывал с редких прохожих шляпы, срывал плащи, швырял в лица холодные дождевые капли. Сизые волны, словно живые хищные существа, вгрызались в причалы, истекая грязно-белой пеной и жадно шипя. Жалобно скрипя мачтами, покачивались стоявшие у причалов пузатые торговые корабли — когги.

На башнях Нарвского замка трепетали выцветшие за лето стяги. Стражники в железных касках, ежась от промозглого ветра, отворачивались от моря да бросали завистливые взгляды на портовые кабаки. В такую мерзопакостную погоду закатиться в таверну — милое дело! Опрокинуть кружку-другую пива, а лучше пунша, да обнять-облапать какую-нибудь пышнотелую гулящую молодку... Впрочем, некоторых все же больше привлекала церковь: забавные проповеди лютеранского пастора отца Амброзиуса Вейнера давно веселили как горожан, так и приезжих. Пастор Амброзиус отнюдь не стеснялся критиковать мирские власти за бюрократизм и косность, делая это искренне и от всей души.

Вечерело, и многие, махнув рукой на ветер и дождь, поспешали в небольшую каменную церквушку, расположенную недалеко от ратушной площади. Именно там и читал свои проповеди достойнейший и славный пастор, именно там уже начинал распеваться хор маль-

чиков, дирижировал коим лично отец Амброзиус, и горожане с большим удовольствием слушали не только проповеди, но и псалмы.

Если б поспешающий в церковь прохожий свернул бы чуть раньше, то, пройдя с полсотни шагов по узенькой улочке Медников, очутился бы как раз напротив аптеки, принадлежавшей почтенному нарвскому бюргеру — герру Николаусу Фельде. Этой аптекой владел и ныне покойный батюшка герра Фельде, и его дед, и прадед. Старое, но любовно подновляемое каждый год зданиелучилось седой стариной, еще помнившей славную эпоху крестовых походов. Обычный трехэтажный дом с узким фасадом и затейливой каменной кладкой украшала висевшая прямо над дверью вывеска с латинской надписью «Аптека» и изображение трех каких-то святых — за давностью лет никто уж и не помнил, каких именно, и даже сам герр Николаус этого не знал.

Достоинейший аптекарь был уже далеко не молод, сед, как лунь, что, впрочем, вовсе не мешало ему проворно двигаться и лично толочь в ступке лекарства. Однако же годы брали свое, и господин Фельде взял в помощники дальнего родственника — троюродного племянника, юркого подростка по имени Гейнц. Худой, узколиций, с карими хитроватыми глазами и копной спутанных темно-русых волос, Гейнц оказался неплохим помощником, правда, несколько ленивым, за что сам хозяин — добрейшей души человек — частенько его бивал. Вот и сейчас...

— Эй, Гейнц! Да где же ты, ленивый мальчишка? — убрав с прилавка микстуры, аптекарь подошел к лестнице, ведущей на второй этаж. Именно там готовились все лекарства и хранились нужные для этого дела вещи: ступки, тигли, толстостенные стеклянные пузырьки и все такое прочее. Все шкафы были забиты сушеными травами, настойками, толчеными кореньями и разного рода лекар-

ственными веществами типа высушенных жаб, топленого барсучьего жира и сулемы — ртутного препарата, предназначенного для лечения тех нехороших болезней, что иногда заводятся у склонных к продажной любви повес. В этом смысле аптека господина Фельде славилась далеко за пределами Нарвы. Многие покупали лекарства, многие вылечивались, ну, а тех, кто не вылечивался, прибирал к себе бог.

— Гейнц, чертов бродяга! Да ты отзовешься, наконец, или нет?

— Да, дядюшка Николаус? — лохматая голова ученика свесилась вниз, узкое личико быстренько приняло самый невинный и добропорядочный вид. — Я только что растолок в ступке сушеный корень айра, как вы велели.

— Я два дня назад велел его растолочь! — рассердился аптекарь. — А ты только что справился!

— Так не успел же, дядюшка, — мальчишка хлопнул глазами. — Вы ж сами меня посылали к господину шкиперу, а потом еще — и к стекольщику, и на рынок.

— Не успел он, — махнув рукой, герр Николаус уселся в старое протертое кресло и, поежившись, приказал Гейнцу затопить камин. Хворост, слава Господу, в аптеке имелся — ученик притащил вчера с рынка целую вязанку.

— Ох, и лето же нынче выдалось, прости, господи, — вытянув ноги, проворчал аптекарь. — Иная зима лучше, чем это лето. Все дожди, дожди, дожди...

— И не говорите, дядюшка... Так что, закрываемся?

Герр Фельде пригладил бородку ладонью и важно кивнул:

— А пожалуй, что и да. Все одно — никто в такую погоду не припрется.

— Но могут послать слуг, — растапливая камин, резонно возразил подросток.

— Пришлют — откроешь. — Аптекарь снова поежился и, заметив мелькнувшую за окном тень, приподнялся

в кресле. — Похоже, ты оказался прав, бездельник. Кто-то действительно послал слугу.

— Может, еще и мимо...

Оба затихли, слушая, как стучат по крыльцу чьи-то шаги. Звякнул привязанный на дверном косяке колокольчик.

— Входите, входите! Не заперто.

По знаку хозяина Гейнц поспешно метнулся к дверям — встречать посетителя.

— Ах, милости просим, уважаемый господин! Очень, очень рады вас видеть. В нашей аптеке вы, несомненно, отыщете лекарства от любых болезней!

Посетитель принес с собой дождь. Крупные капли стекали с его длинного, вымокшего насквозь плаща и матросской кожаной шапки, надвинутой на самые глаза, падали на башмаки, застревали блестящими бусинками в темной кудлатой бороде. Собственно, одну эту бороду и было видно, да еще глаза — темные, глубоко посаженные, злые. Судя по одежде, это был не простой матрос, а тот, кто привык к беспрекословному подчинению — боцман, а то и шкипер. Даже, может быть, и сам капитан!

— Вы, верно, с того бременского судна...

— С того, — гулко перебил моряк. — Меня мучает лихорадка. Срочно нужно лекарство. Сказали, у вас можно найти.

— О, конечно же! — поднимаясь на ноги, герр Николаус радостно потер руки. — Какое угодно. Я бы посоветовал вам...

— Не надо советовать, — посетитель, похоже, был из тех, кто предпочитает не болтать, а действовать. — Несите, что есть. И не беспокойтесь — я заплачу щедро.

— Я лично подберу все для вас, уважаемый! — ступеньки узенькой лестницы зазвонили под ногами дядюшки Николауса Фельде. Гейнц же вновь занялся камином — так ведь еще и не разжег.

— Вы, что же, одни живете? — проводив глазами аптекаря, быстро поинтересовался моряк.

— Одни, — подросток обернулся... и не успел даже охнуть — кинжал моряка с силой вонзился ему в сердце. Паренек лишь округлил в изумлении глаза да тихо осел на пол, придерживаемый сильной рукой убийцы.

Управившись со слугой, злодей затаился у лестницы.

— Ну, вот и я! Ой...

Снова удар, столь же резкий, умелый, и еще один труп.

Вытерев кинжал об одежду только что убитого мальчишки, моряк — или кто он там был? — поспешно покинул аптеку, ничего с собою не взяв. Не прихватил ни лекарства, ни денег, даже не стал обыскивать дом. Просто пришел — и убил. Без всяких эмоций и лишних слов. Словно выполнил свою работу, честно и быстро. Выполнил — и ушел, растаял в дождливой дымке надвигавшейся ночи.

* * *

Золотисто-зеленый ливонский флаг, тяжелый и мокрый, уныло повис над башней королевского замка Оберпален, называемого местными эстами Пылтсамаа. Уже третий день, почти не переставая, молотил дождь, нагоняя в сердца обывателей унылую скуку и хмарь. Дождь... Такое уж выдалось лето. Горожане развлекали себя как могли: богатых бюргеров не брезговал привечать сам король, люди попроще проводили время в тавернах или ходили друг к другу в гости. Впрочем, все уже всем надоели — Оберпален, хоть и столица, а все же невелик город, всего-то три тысячи населения. Правда, есть еще и соседние городки да замки — час-два пути, а то и меньше. Да только вот — дождь, в такую мерзкую погодук трястись в повозке или в седле кому охота?

— Эй, эй, осторожней там! — круглолицый толстяк, хозяин зеркальной мастерской герр Анджей Вандзее, искося глянув в узенькое оконце, прикрикнул на подмастерьев. — Боже вас упаси хоть одно стеклышко разбить. До конца дней своих не расплатитесь!

Подмастерья — Яан и недавно нанятый Йорм — угрюмо засопели. Что и говорить, и покричать герр хозяин любил, и тумачков отвесить. Ладно бы за дело, а то ведь просто так! Ну вот зачем под руку-то орать? Вернее, под ногу? Ведь только что взяли ящик со стеклом, подняли, понесли... так Йорм от крика споткнулся! Хорошо еще, не упал, выправился, а ведь мог бы... Кто б тогда за стекло разбитое отвечал? Подмастерья?

Угрюмо сопя, парни все же отволокли тяжелый ящик в угол, поближе к тиглям и чану, в котором плавилась амальгама. Муторное это дело — наносить на стекло зеркальный слой, да и для здоровья вредное. Однако ж оплачиваемое, чего уж говорить, одно плоское зеркало как добрый конь стоило, и это еще не самого большого размера! Для богатых людей такие зеркала делали, для самого его величества короля Магнуса, для королевских фрейлин, для купцов богатейших. Не всякий барон, не говоря уже о рыцарях, мог себе зеркало стеклянное позволить!

— Пошевеливайтесь давайте уже! — подгонял зеркальщик, спешил. Дома у него, что здесь же, с мастерской рядом, уже собирались гости. Сам помощник ратмана обещался прийти — все ж таки дальний родич. Интересно, и в самом деле придет? Придет, придет, никуда не денется, зря, что ли, ему зеркало в золоченой раме подарено? Придет — так это честь великая! Все соседи позеленеют от зависти, а Йогашка Кунст, ювелир, так и вообще — зачахнет. Еще бы: к нему-то такие люди не ходят!

Почесав выбритый подбородок, герр Анджей приосанился. Думать о предстоящем визите столь важного лица было

приятно. И еще приятнее — представлять реакцию соседей. Как они в окна выглядывают, недоверчиво щурятся, как ругаются от зависти, плюются даже! Эх, скорей бы...

Можно было, конечно, в мастерской еще с часик пообретаться. Присмотреть за всем приметливым хозяйским глазом. Проследить, чтоб эти бездельники молодые, Ян с Йормом, как следует все котлы вычистили. Чтоб на завтра работу приготовили... хотя нет — завтра ж воскресенье, работать грех, да и цеховой устав запрещает. Правда, сам король Магнус цеховые уставы не жалует и «деловую инициативу» поощряет. «Деловая инициатива» — это королевские слова, означают они вящее к работе усердие. Усердие не к простой работе, а к заведению разных мастерских, мануфактур, к торговлишке. Это, по словам славного Магнуса, первейшее для всей Ливонии дело! Повезло Ливонии с королем, грех жаловаться. Хоть и считается он вассалом московитского царя Иоганна, а все по-своему делает, как для торговли, для хозяйства всего наилучше.

— Ой ля-ля, ой ля-ля, нету лучше короля... — уходя из мастерской, вполголоса затянул Анджей. Ну, да, ушел сегодня пораньше, потому как — ратман! Хоть и рядом дом — вот он, — а на сердце все ж беспокойно. Как там подмастерья, управятся ли без хозяйского пригляду, не натворят ли дурных дел? Молодые еще, дурь в головах сидит. Глаз да глаз!

Ой ля-ля, ой ля-ля...

— Ну, слава богу, ушел! — облегченно переведя дух, один из пареньков, Йорм, уселся на старый бочонок. — Может, перекусим вначале, а, Ян? А уж потом все чаны вычистим.

— Нет, — Ян угрюмо покачал головою. — Сначала работа, потом еда. Да чаны остынут — чистить хуже. Давай-ка возьмемся, ага...

— Как скажешь, — пожав плечами, Йорм снял с полки щетку и тяжело вздохнул. Работы на вечер осталось много — с избытком. Почтеннейший мастер Анждей Вандзее своих подмастерьев в праздности не держал.

Яан и недавно нанятый Йорм были чем-то похожи — оба худые, щуплые, узколицые, у обоих волосы длинные, копной. Только у Яана потемней, у Йорма же — посветлее. И глаза у Яана светлые, и карие — у Йорма. А так похожи, словно родные братья, ага.

— Ох, и чан, — орудуя щеткой, пожаловался Йорм. — Ох, и грязный же.

— Чисти, чисти, — Яан оглянулся и хмыкнул. — Думаешь, у меня лучше? Ага!

Тут оба подростка вздрогнули. Кто-то стукнул в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел, вернее сказать — вошли. Трое мужчин, судя по всему — хозяин и слуги. Все трое в длинных мокрых плащах, в шапках матросских. На пол капли дождевые стекают — кап-кап...

— А где мастер ваш? — главный — осанистый, высокий, сильный — зыркнул вокруг темными цыганистыми глазами.

— Так он это... дома уже. Позвать?

— А вы, стало быть, вдвоем остались?

— Вдвоем, ага...

* * *

Старый барон метался во сне. Хотя это вряд ли можно было бы назвать полноценным сном, скорее так, забытье, кошмары. Доблестный рыцарь Фридрих фон дер Гольц всегда надеялся встретить смерть в седле — от вражеского меча, копья или пули. В седле! Когда ветер в лицо, когда вокруг — удалая битва, и звон оружия, гром пушек, утробные звуки боевой трубы! Тогда и смерть красна, особенно если она — внезапна.

Ангелы-покровители берегли барона: дожив почти до старости — до пятидесяти с лишним лет — Фридрих выглядел довольно сносно и ничем серьезными никогда не болел, даже злодейка чума — черная смерть, совсем недавно выкосившая почти треть Ливонии — обошла его стороною.

Нынче же дела были откровенно плохи. Простудившись на охоте, фон дер Гольц, скорее всего, подхватил и еще какую-то заразную хворь, и за три дня превратился из цветущего молодого мужчины в развалину. Светлые глаза славного рыцаря пожелтели, породистый, с едва заметной горбинкой, нос заострился, словно клюв хищной птицы, тонкие губы кривились от боли и немощи, мускулистые, привыкшие к мечу, руки бессильно свисали с ложа, а грудь сотрясал кашель.

Вызванный из Оберпалена лекарь ничего не мог сделать, как и местные деревенские знахари. Не помогли ни настойки, ни растирания, ни молитвы — ничего, даже паровая баня. Больному становилось все хуже, старый Фридрих просто таял на глазах и приходил в сознание все реже и реже.

У ложа его остались лишь двое верных слуг, юную же свою супругу Александру барон в минуты просветления приказал не впускать в опочивальню, опасаясь, что и она может подхватить заразу. Правда, лекарь сказал, что терзавшая рыцаря болезнь вовсе не чума... но кто знает, может, и она распространяется точно так же?

— Пить... — в очередной раз глаза фон дер Гольца открылись. — Пить... пить... Скажите жене... там... там шка-тулка... Теперь — духовника! Живо!

— Да, но, господин...

— Я сказал — живо! Жи...

Взметнувшая было длань барона бессильно повисла, из горла хлынула кровь.

Опочивальня тут же заполнилась слугами. Впрочем, юная баронесса быстро прогнала всех! Очаровательная

даже в черном траурном платье со спрятанными под вуалью темно-рыжими прядями, Александра фон дер Гольц быстро навела порядок и, поплакав о безвременно ушедшем супруге, лично занялась похоронами. Жемчужно-серые глаза юной баронессы холодно смотрели на слуг, приказы отличались законченностью и лаконичностью:

— Отправьте весть дочери Фридриха, всем его вассалам, королю. Подготовьте место в семейном склепе. Разменяйте два талера на мелкое серебро — для раздачи крестьянам.

— Вы хотели сказать — нищим, госпожа?

— Нет, именно крестьянам. Никаких нищих чтоб и близко здесь не было. Сами знаете, Фридрих их терпеть не мог. Исполняйте.

— Да, госпожа. Барон упоминал о какой-то шкапулке...

— Я знаю. Там завещание. Огласим на похоронах.

Все же она уважала барона. Но не любила, нет. Юная красавица и пятидесятилетний старик — какая уж тут любовь! Однако же в те времена так и было принято, выйти замуж по любви редко кому удавалось. Почти никогда. Не избежала общей участи и Александра фон дер Гольц, баронесса и хозяйка угодий и хуторов. Особа, находящаяся под особым покровительством королевской четы и... и — бывшая гулящая девка из Новгорода, Аграфена-Сашка. Эх, знал бы старый барон о ее бурном прошлом! Впрочем, что там барон, не прознали б его чертовы родичи! Впрочем, не должны бы прознать — не от кого! Славный король Магнус им вряд ли расскажет, тем более Сашка была абсолютно уверена в своих давних друзьях, с которыми промышляла еще в Новгороде в одной шайке. До тех самых пор, пока не познакомилась с королем...

* * *

В Оберпаленском замке с утра топили камины. Помогало плохо — дожди шли давно, да и особого тепла этим летом так и не дождались, разве что в самом начале июня. Правда, еще оставалась надежда на конец августа и сентябрь — на золотую осень, на бабье лето, кому как нравится. Убрать урожай, посадить озимые, заготовить грибов и ягод. Ну, и охота — как же без этого?

Глянув через узкое — бойницей — окно на хмурое небо, король покачал головой. Неужто вот так вот дождить и будет? Что ж, для Ливонии сие не редкость: море-то рядом, да и вообще страна северная — не Италия, не Франция даже. Хотя по большому счету тепло, опять же из-за моря, но зимы — суровые, со снегом, с сугробами. Впрочем, и во Франции нынче зимы — с сугробами, и в Амстердаме замерзают каналы — народ на коньках катается. Потому как, по сравнению со средневековьем, похолодало. Малый ледниковый период.

Все это славный ливонский король прекрасно знал и в мировой истории разбирался неплохо, да и кое в чем еще. Ибо звали его вовсе не Магнус, а Леонид Федорович Арцыбашев. И родился он ни в каком не в шестнадцатом, а в конце двадцатого века. Бывший театральный режиссер, Леня перебрался из провинции в Москву и занялся антиквариатом. Очень даже удачно занялся, если не считать того, что, всерьез увлекшись подземельям Кремля, в один прекрасный день выбрался из подвала — в прошлое! Как раз в шестнадцатый век, в то самое время, когда гостил у государя Ивана Грозного датский принц Магнус... похожий на Леонида как две капли воды! Истинный Магнус тогда бросился в подвал и, верно, очутился в будущем. Увы, скорее всего — в психушке. У самого же Арцыбашева хватило ума выдать себя за принца. И получить благоволения Ивана Грозного. А кроме благоволения, еще